

УДК 9. 94

Кумпан Екатерина Николаевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Кубанского государственного университета
тел.: (960) 486-83-25

Kumpan Ekaterina Nikolaevna

PhD in History, Associate Professor of the Department of Modern, Contemporary History and International Relations, Kuban State University
tel.: (960) 486-83-25

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ: ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКИХ АРХИВОВ

На основе материалов Российских архивов исследована религиозная политика на Северо-Западном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. Показано изменение религиозного законодательства Российской империи и специфика его реализации в регионе.

Ключевые слова: религия, политика, церковь, законодательство, ислам, православие, Кавказ.

RELIGIOUS POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE NORTHWEST CAUCASUS: BASED ON THE MATERIALS OF RUSSIAN ARCHIVES

The religious policy in the Northwest Caucasus in the second half of the 19th - early 20th centuries has been analyzed on the basis of the Russian archives. The change of the Russian Empire religious legislation and specifics of its implementation in the region has been presented.

Key words: religion, politics, church, legislation, Islam, Orthodoxy, Caucasus.

Исследование проведено при финансовой поддержке государства в лице Минобрнауки России в рамках реализации мероприятий ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 –2013 гг. по теме «Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интерпретации и противодействие фальсификации истории» (Соглашение 14.В37.21.0966)

Конфессиональная политика в российской истории – одна из сфер наиболее связанных с мифологизацией: с одной стороны религиозные чувства и развитие церковной истории значительно выходят за пределы светской истории и предполагают особый подход, с другой стороны атеистическая советская история способствовала своеобразному «откату» в современной науке к идеализации церковных отношений и периодов в истории, когда церковь определяла развитие общества и государства. Обращение к источниковой базе исследований конфессиональной политики, позволяет приблизиться к объективности.

В статье рассматривается период с 1864 по 1917 г. Нижняя хронологическая граница обусловлена завершением Кавказской войны и переходом к мирному управлению регионом, а также выделением Северо-Западного Кавказа в отдельную административно-территориальную единицу (Кубанскую область). Верхняя хронологическая граница определяется изменением политического режима России.

Учитывая численность конфессиональных групп, проживавших на Северо-Западном Кавказе [1] в период 1864-1917 гг., в статье, на основе архивных материалов, показано государственное регулирование деятельности Русской православной церкви (РПЦ), мусульман, Армянской апостольской церкви (ААЦ), католиков, протестантов, последователей старообрядчества и религиозных сект.

Необходимость интеграции Северо-Западного Кавказа в систему Российской империи обусловило необходимость укрепления влияния РПЦ на территории многосоставного региона. Управление деятельностью Русской православной церкви на Северо-Западном Кавказе происходило посредством Кавказской епархии с центром в городе Ставрополе до 1885 г., затем была создана Ставропольская епархия [2], контролировавшая Ставропольскую губернию и Кубанскую область (до 1917 г.) [3].

Для укрепления церкви необходимо было решить проблему нехватки квалифицированного духовенства, которая наиболее остро ощущалась в Закубанье. Епископ Кавказской епархии Игнатий Брянчанинов писал, что «духовенство Кавказа первоначально собиралось в этот отдаленный край из разных мест России. Выходцы эти не отличались особым благонравием, принадлежа по преимуществу к разряду людей, не надеявшихся на получение хороших мест на родине» [4]. Материалы региональных архивов показывают процесс разработки комплекса стимулирующих мер для привлечения в регион квалифицированного духовенства [5], дают информацию о методах административного контроля за деятельностью и нравственностью духовенства Северо-Западного Кавказа [6].

Параллельно с мерами по организации работы духовенства, в рамках религиозной политики Святейший Синод координировал миссионерскую деятельность РПЦ на Северо-Западном Кавказе: были учреждены вакансии епархиальных и окружных миссионеров, определено их финанси-

вание, формировалась епархиальная библиотека для приходских священников и миссионеров; было увеличено жалование священников, работавших в приходах, где проживают сектанты и старообрядцы» [7].

После принятия указа «Об укреплении начал веротерпимости» и провозглашения свободы вероисповедания в 1905 г., на Северо-Западном Кавказе активизируется деятельность неправославных конфессий, повышается религиозная мобильность, в том числе из православия [8]. Зафиксированные в законодательстве принципы регистрации религиозных общин вводили ограничения на деятельность отдельных конфессий [9], однако задачам религиозной политики на Северо-Западном Кавказе соответствовала разработка комплекса мер, которые бы позволили РПЦ сохранить и упрочить свои позиции в изменяющихся условиях. В 1908-1911 г. была модернизирована миссионерская деятельность: церковь стремилась объединить и скоординировать работу прихожан, духовенства, миссионеров, привлекла православных полемистов к практической «полевой» деятельности и обучению прихожан, попыталась обеспечить не только периодическое присутствие православного в храме, но его вовлечение в приходскую жизнь, активную деятельность в общине. Полной реализации поставленных в миссионерской сфере задач помешала начавшаяся первая мировая война и революционные события, однако предпринятые действия показали способность церкви адаптироваться в условиях политического реформирования [10].

Доминантной целью, определяющей вектор религиозной политики Российской империи в отношении мусульман на Северо-Западном Кавказе, являлась необходимость обеспечить лояльность населения региона и условия для нормального экономического развития. При этом продолжалась эмиграция горцев из России [11] – отчасти эмиграцию стимулировало отсутствие законодательно закрепленной системы религиозного управления мусульманами Северо-Западного Кавказа [12]. На протяжении второй половины XIX – начале XX в. составлялись проекты управления мусульманами региона [13]. Существовало два основных варианта определения статуса мусульман Северо-Западного Кавказа: первый – мусульман региона подчинить Оренбургскому или Таврическому магометанскому собранию; второй – создать специфическую структуру самоуправления для Северокавказского региона.

В результате планы предлагались, но утверждены не были. Подчинять мусульман Северо-Западного Кавказа существующим исламским центрам в России считалось нецелесообразным из-за отдаленности структур самоуправления: ситуация в регионе требовала постоянного контроля. Создание нового самоуправляющегося духовного центра мусульман, властям представлялось рискованным, из-за опасности объединения мусульман Кавказа.

Отдельные аспекты религиозной жизни регулировались Положением об управлении горцами Кубанской области от 4 июня 1865 г.: для разбирательства «спорных и тяжёбных дел» горцев в округах учреждались окружные словесные суды, дела в которых решались по адату и шариату [14]. Введение специальных судов для горцев должно было унифицировать систему отправления правосудия для всех горцев Кубани, однако администрация столкнулась с проблемой конфессиональной неоднородности горцев – в горских судах разбирались дела, в которых участвовали осетины, являвшиеся православными. В результате с 1893 г. из ведомства горских словесных судов изымались дела, возникавшие в «Кубанской области между осетинами православного исповедания или по односторонним их просьбам». Разбирательство таких дел отныне должно было производиться «мировыми и общими судебными установлениями по правилам, изложенным в уставе гражданского судопроизводства» [15].

Межкультурные контакты населения Северо-Западного Кавказа, в сочетании с государственным статусом РПЦ способствовали переходу некоторых горцев в православие. В ходе Кавказской войны горские дети иногда попадали в казачьи семьи, часто эти дети воспитывались в православных традициях. После завершения войны в Кубанское областное правление поступали прошения о крещении горских детей, живших у казаков [16]. Местная администрация, в соответствии с законом, требовала письменного подтверждения согласия родителей или опекунов несовершеннолетних, при отсутствии документа крещение не производилось [17]. Переходы в православие несовершеннолетних горцев [18] приветствовались, но светские и епархиальные власти следили за тем, чтобы крещение осуществлялось добровольно, с пониманием смысла этого поступка. После крещения, горцев, согласно общероссийской практике, старались переселять в станицы и города, как правило, по выбору крещенного (на это переселяющимся могло выдаваться денежное пособие [19]) считая, что поселение новокрещенного в православную среду будет способствовать укреплению веры [20]. Указанное правило действовало до начала XX в. – позже областные власти вели наблюдение за тем, чтобы права горцев, принявших православие, но не сменивших место жительства, не ущемлялись их бывшими единоверцами [21]. Отметим, что иногда горцы обращались к властям с просьбой позволить им после крещения поступить на службу в Кубанское казачье войско [22].

В рамках либерализации религиозного законодательства в начале XX в. принципиальных изменений в системе управления мусульманами Северо-Западного Кавказа не произошло – на

практике в регионе религиозная жизнь последователей ислама корректировалась распоряжениями местного начальства с учетом общероссийского законодательства. В ноябре 1911 г. по указанию Департамента духовных дел в Кубанской области проводился сбор сведений, который показал, что система управления мусульманами, сформированная в административном порядке, обеспечивает достаточный контроль над горским духовенством, за системой горского судопроизводства и образования мусульман [23].

Согласно архивным материалам, Армянская Апостольская церковь, в соответствии с утвержденным 11 марта 1836 г. Положением об армяно-григорианской церкви в Российской империи, имела автономное устройство. Высшее управление ААЦ принадлежало Эчмиадзинскому патриарху – католику всех армян [24]. В 1860-1870 гг. в контексте международных отношений, сохранялись привилегии ААЦ: Министерство внутренних дел и Министерство иностранных дел «приписывали эчмиадзинскому патриарху престолу и его пастве неоспоримо важное значение в деле политического влияния... на Востоке» [25]. С отменой наместничества на Кавказе в 1881 г. произошло общее изменение курса политики на Кавказе: «обрусение туземцев было признано первой задачей новой кавказской администрации, а школа – лучшим к тому орудием» [26]. 16 февраля 1884 г. были утверждены Правила об армяно-григорианских церковных училищах на Кавказе [27]: некоторые школы на территории Северо-Западного Кавказа были закрыты, как несоответствующие Правилам, при этом распоряжение о передаче в учебное ведомство армянских школ сопровождалось конфиденциальным письмом в штаб Кавказского военного округа: «предвидя, что таковая мера вызовет в известной части армянского народа превратные толки и сенсацию и подвернется тенденциозному обсуждению... признать необходимым, что в выходящих в крае изданиях не допускалось рассуждений, имеющих целью поколебать значение принятой меры». В марте было сделано распоряжение местной администрации установить наблюдение за преподавателями закрытых школ с целью недопущения тайного обучения армянских детей [28].

В ноябре 1896 г. последовало циркулярное распоряжение главноначальствующего гражданской частью на Кавказе с приложением Высочайше утвержденных 16 марта 1891 г. Правил о применении карательных мер, в административном порядке, к армяно-григорианским священнослужителям [29].

2 июня 1897 г. и 26 марта 1898 г. были изданы акты по которым открывавшиеся при церквях и монастырях ААЦ школы должны были подчиняться Министерству народного просвещения на общих основаниях с другими начальными школами, Кавказскому начальству было поручено принять в свое ведение имущество церковных армянских училищ, а ААЦ было разрешено возбуждать судебные иски. Церковь воспользовалась этим правом и выигрывала дела [30].

В 1900 г. Г.С. Голицын (главноначальствующий гражданской частью на Кавказе) предложил «вообще отобрать имущества у армянской церкви, ссылаясь на принцип секуляризации церковных имуществ, давно уже признанный русским правительством по отношению к православной церкви, католиками в Царстве Польском, а также и правительствами западных стран». 12 июня 1903 г. проект был утвержден. После публикации закона резко усилилась активность революционных организаций армян: если ранее их деятельность была направлена против Турции, то теперь ими было заявлено, что они «переносят деятельность в Россию и вступают в борьбу с самодержавной бюрократией» [31]. Представители армянской интеллигенции образовывали «комитеты самообороны», заявлявшие целью своей деятельности «показать правительству, что с армянами оно не может делать все, что ему угодно». Общественность требовала от духовенства не передавать имущества [32].

В документах, исходивших от Департамента духовных дел, говорилось о негативной и потенциально опасной реакции духовенства ААЦ, о распространявшемся в среде армяно-григориан мнении о предстоящем насильственном обращении в православие, и о возможной передаче армянских церквей РПЦ. Сопrotивление армян усиливалось. Также протест заявило турецкое духовенство, указывавшее на то, что имущество принадлежит не русско-подданным армянам, а всей ААЦ.

Сложившаяся ситуация и изменения состава Кавказской администрации повлекли пересмотр политики в отношении армяно-григорианской церкви – 1 августа 1905 г. указом императора был отменен закон 12 июня 1903 г. Армянской церкви возвращались недвижимые имущества и капиталы [33].

Значительная часть католиков и последователей евангелическо-лютеранской церкви на Северо-Западном Кавказе являлась колонистами, и в силу специфики положения колонистов в области их вероисповедные права не подвергались ограничениям. Религиозная политика изменяется во втором десятилетии XX в., в контексте осложнения отношений с Германией и Австро-Венгрией. Уже 2 февраля 1910 г. МВД разослало циркуляр с требованием предоставить сведения о религиозных общинах католиков и протестантов в колониях и других населенных пунктах Северо-Западного Кавказа [34]. Колонии и отдельные представители указанных конфессий были поставлены под наблюдение. В годы Первой мировой войны колонии католиков и протестантов, особен-

но населенные немцами, были объектами постоянного внимания властей, права колонистов ограничивались, однако причины ограничений находились не в конфессиональной, а во внешнеполитической сфере [35].

Период с 1861 по 1903 г. характеризуется рядом преобразований в конфессиональной политике, затрагивавших положение старообрядцев и сектантов. Нетерпимость правительства в отношении «раскольнических исповеданий» в период правления Александра II была несколько ослаблена. 4 сентября 1863 г. вышло «Положение о дозволении раскольникам причисляться к городам Кавказа на тех же основаниях, какие допущены вообще в России» [36]. В конце 1864 г. было разослано в епархии и распространено по всем церквям «наставление для руководства» [37], на основе которого формируется модель совместной работы светских и административных властей: в документе отмечалось, что «состоящие в расколе от рождения», не должны были «преследоваться за мнения о вере», при этом «им строго воспрещается распространять свои убеждения между православными и вообще уклоняться от исполнения общих, законами определенных, правил благоустройства». На гражданское начальство возлагалась обязанность наблюдения за старообрядцами и сектантами и «недопущением на будущее время из-за границы раскольнических духовных лиц» (в 1870 г. было сделано исключение для «представителей менее вредных сект») [38].

3 мая 1883 г. было утверждено мнение Государственного совета «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских» [39], предусматривавшее уменьшение правовых ограничений для религиозных групп, определявшихся как «менее вредные». Одновременно подтверждалась наказуемость «публичного оказательства раскола» (в Кубанской области в каждом отдельном случае по подозрению публичной проповеди учения старообрядцев и сектантов проводилось расследование [40]) и оставалось запрещенным строительство старообрядческих храмов. Анализируя на основе архивных материалов специфику реализации закона 1883 г. на территории Северо-Западного Кавказа, можно сделать вывод о том, что власти, учитывая основную функцию казаков – несение военной службы – относились к казакам-раскольникам более терпимо, чем в неказачьих регионах [41]. Также местная администрация стремилась выявить религиозные движения, рассматривавшиеся в XIX в. как потенциально опасные [42].

В марте 1906 г., после согласования свода законов с указом «О веротерпимости» были введены изменения уголовного законодательства, закрепившие продекларированные принципы, 10 октября 1906 г. вышел указ «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов [43]». Законы давали право легализации религиозных общин в России на Северо-Западном Кавказе [44]. Светская власть тщательно разработала и зафиксировала в законе не только юридический статус общин, но и принципы их внутреннего устройства, подчинив их местным властям. Если действия общины противоречили закону, то она могла быть закрыта в соответствии с постановлением губернского или областного правления [45].

С начала Первой мировой войны отмечались отказы от военной службы баптистов, адвентистов, меннонитов, евангельских христиан, молокан, толстовцев и представителей других религиозных течений. Наиболее сильны были антивоенные настроения в евангелических, лютеранских и баптистских общинах. Государство стремилось не допустить распространения в обществе идей, подрывавших авторитет правительства. В прессе был помещен целый ряд статей, посвященных рассмотрению русского сектантства: происхождение ряда религиозных групп властями приписывалось влиянию германских миссионеров, командированных в империю для насаждения немецкого вероучения с целью религиозной реформации России. В переписке министра внутренних дел и наказного атамана Кубанского казачьего войска указывалось, что рационалистическое сектантство, «в корне проникнуто противогосударственными тенденциями». Отдельные общины были закрыты [46]. С 1917 г. контроль за деятельностью религиозных организаций ослабевает вследствие смещения политических акцентов.

Специфика религиозной политики России на Северо-Западном Кавказе определялась необходимостью умиротворения региона, его интеграции в политическое и экономическое пространство империи. Религиозные процессы регулировались на основе общероссийского законодательства, но администрация региона вводила дополнительные коррективы, варьирувавшиеся в зависимости от ситуации от использования дополнительных ограничений и запретов до расширения рамок религиозной свободы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи: Кубанская область. СПб., 1905. Т. 54.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 1002. Л. 3; Там же. Д. 1258. Л. 2об.
3. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 135. Оп. 74. Д. 890. Л. 16.
4. Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова. М., 2002.
5. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 574. Оп. 1. Д. 1675. Л. 1, 17.

6. ГАКК. Ф. 352. Оп. 2. Д. 385. Л. 16; ГАСК. Ф. 135. Оп. 20. Д. 599. Л. 2; Там же. Оп. 27. Д. 813. Л. 10, 12-23.
7. Там же. Оп. 46. Д. 88. Л. 1, 6, 7.
8. Там же. Ф. 439. Оп. 1. Д. 43. Л. 2.
9. ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 3. Л. 10.
10. ГАСК. Ф. 439. Оп. 1. Д. 43; РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2301. Л. 22.
11. ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 222. Л. 1, 2; ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 364. Л. 1, 11-12.
12. Там же. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5299. Л. 14-15.
13. Там же. Ф. 318. Оп. 6. Д. 945. Л. 4.
14. Там же. Ф. 774. Оп. 1. Д. 2. Л. 6, 7; Там же. Д. 172. Л. 5, 12; Там же. Д. 270. Л. 4.
15. Там же. Ф. 318. Оп. 2. Д. 1616. Л. 115-116, 129.
16. Там же. Ф. 774. Оп. 1. Д. 354. Л. 1-3.
17. Там же. Д. 154. Л. 10.
18. Там же. Ф. 774. Оп. 2. Д. 10. Л. 1; Там же. Д. 94. Л. 1, 4, 9.
19. Там же. Д. 423. Л. 18.
20. ГАКК. Ф. 452. Оп. 1. Д. 289. Л. 1; Там же. Ф. 774. Оп. 2. Д. 422. Л. 2; Там же. Д. 96. Л. 1-2; Там же. Ф. 452. Оп. 1. Д. 3724. Л. 1-9.
21. Там же. Ф. 449. Оп. 3. Д. 3770. Л. 4; Там же. Д. 3778. Л. 16.
22. Там же. Ф. 774. Оп. 2. Д. 80. Л. 1, 7.
23. Там же. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5765. Л. 1; Ф. 449. Оп. 3. Д. 3779. Л. 5.
24. РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 830.
25. Там же. Ф. 821. Оп. 7. Д. 96.
26. Там же. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 2. Л. 42.
27. Там же. Ф. 821. Оп. 7. Д. 222. Л. 45.
28. ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 2004. Л. 1, 56.
29. Там же. Д. 2060. Л. 1.
30. РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 96.
31. Там же. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 2. Л. 44, 48, 62-66.
32. Там же. Ф. 821. Оп. 7. Д. 286. Л. 78-80.
33. Там же. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 2. Л. 88-89.
34. ГАКК. Ф. 449. Оп. 2. Д. 1830. Л. 1, 5, 6, 12.
35. Там же. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5834. Л. 12-13, 20-23.
36. Там же. Ф. 452. Оп. 1. Д. 206. Л. 53; Там же. Ф. 318. Оп. 2. Д. 679. Л. 107.
37. ГАСК. Ф. 135. Оп. 22. Д. 100. Л. 1.
38. Там же. Ф. 135. Оп. 28. Д. 13. Л. 20.
39. ПСЗ. Собр. 3-е. 1883. Т. 3. Ст. 1545.
40. ГАКК. Ф. 449. Оп. 3. Д. 501. Л. 2; ГАКК. Ф. 449. Оп. 3. Д. 230. Л. 1, 4, 26; Там же. Д. 144. Л. 3, 21, 25, 29.
41. ГАКК. Ф. 449. Оп. 2. Д. 35. Л. 1, 14, 27, 58, 77, 83; Там же. Ф. 318. Оп. 2. Д. 2003. Л. 12-13, 15.
42. Там же. Ф. 449. Оп. 3. Д. 606. Л. 1, 3, 8; Ф. 452. Оп. 1. Д. 3725. Л. 1-2.
43. ПСЗ. Собр. 3-е. 1906. Т. 26. Ст. 27560, 28424.
44. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 445. Л. 69-73; ГАСК. Ф. 439. Д. 83. Л. 2, 7.
45. ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 3. Л. 10; Ф. 449. Оп. 2. Д. 1831. Л. 1, 3-7, 16.
46. Там же. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5843. Л. 1-2; Ф. 774. Оп. 2. Д. 155. Л. 1-2, 33, 34.